

История – ее мифы и ее реальность – не одно десятилетие находятся в центре смысловой борьбы, которая идет в нашем отечественном гуманитарном пространстве. О современной исторической драматургии и «театре истории» рассказывает Капитолина Кокшенева.

Маргарита Синкевич: Капитолина Антоновна! Вы объявили конкурсе исторической драматургии, сделав акцент на «ИСТОРИИ.DOC». Почему именно «ИСТОРИЯ. DOC»?

Капитолина Кокшенева: Да, Маргарита, я должна объяснить, предложив такой новый формат. Для меня в теме «театр и история» очень много важного и проблемного. Как только рухнула советская идеология и советская эстетика, наше огромное художественное пространство немедленно было занято западными культурными практиками и хорошо отработанными гуманитарными технологиями. Они стали тотально интересны. И это понятно. Изношенность советской эстетической системы была очевидна, а искусство не живет без новых форм. Ну, конечно, соблазнила всех эта дикая дама Свобода, позволяющая быть необремененными никакими традициями и большими культурными смыслами. Ведь так заманчиво отказаться от огромных нагрузок, которые тащили на себе русская культура и русский художник и в XX веке! Постмодернизм – он ведь ужасно удобен. Это такое крошево, где нет центра тяжести, где нет удерживающего начала. Он удобен особенно в те времена, когда все хотят стать сытыми. И наш отечественный постмодернизм начался с того, что одна популярная журналистка обвинила советского маршала в том, что у него два холодильника. Маршал, оправдывающийся за два холодильника как свидетельство «тоталитарного» образ жизни, – это уже начало постмодерна в жиз-

ни общества. Нелепость, ставшая вдруг культурной доминантой.

Мне представляется, что нет смысла бороться за то, что «актуального искусства» нет. Оно есть. И в мире его усиленно и преимущественно «развивают» художники-грязнофилы или даже экстремалы (чего стоит только такая новейшая форма как «использование жидкостей организма в искусстве», в том числе и крови; или самый известный перформанс М. Абрамович «Ритм 0», во время которого художница собственное тело предоставила в распоряжение зрителей, положив рядом с собой духи и вино, цепи, ножницы и заряженный пистолет и др. Шесть часов шел перформанс, больше похожий на пытку. Художнице порезали тело, шею, одежду, обнажив грудь. Она признавалась, что поняла: зрители могли ее убить...).

Да, эти новые формы уже пришли к нам с Запада и сколько бы мы ни говорили, что в России им просто подражают и используют давно пройденное там, – от этого утверждения ничто не меняется у нас.

Я предлагаю иной путь: нужно поступить так, как в свое время это сделал М. В. Ломоносов, например. Перенять западные (и часто враждебные) культурные хитрости (приемы и формы, сделав выборку), но наполнить их своим содержанием. Вот поэтому – «ИСТОРИЯ.DOC».

М. С.: Задача, конечно, серьезная. Но насколько она реальна? Что нужно для такого культурного перекодирования?

К. К.: Я не думаю, что все будет легко и просто. И самая главная трудность – в культурном самознании и тех, кто создает гуманитарные творческие ценности, и тех, кто их воспринимает в качестве зрителя, слушателя, читателя. Носители постмодернистского сознания, радикальные режиссеры и художники давно объявили, что для них нет вообще

понятия «национальная культура». Они полагают ее пережитком прошлого, феноменом тоталитарного и имперского культурного и идеологического устройства, противостоящим «открытому обществу» (а это наша нынешняя идеология) и «открытому искусству».

Русская культура, потерявшая свой культурный суверенитет в 1917 году (столетие и этого события мы вольно-невольно тоже отмечаем в этом году), не обрела его и после революции 1991 года. Русские вновь, в том числе и в культуре, испытали «понижение национального статуса» (М. Хорх), а все, кто оставался жить в доме русской культуры, были заперты в нем как в гетто. Русские интеллектуалы во всех гуманитарных областях оставались или невостробованными в публичном пространстве, или маргинализированными своими оппонентами. Кто из нас не жил или не живет с биографией-клише «мракобеса»! Но все же лидеры русской культуры все эти годы копили — и накопили! — огромный интеллектуально-творческий потенциал, на которой многие могут уже опереться.

Да, задача моя дерзкая: перемена участи и перемена культурного сознания.

М. С.: Недавно приняты «Основы государственной культурной политики», «Стратегия государственной культурной политики», Президент Владимир Путин не раз называл приоритетными традиционные ценности. Насколько это важно для ваших «дерзких задач»?

К. К.: Государство, естественно, не создает культуры. И одно дело написать самые правильные слова в «Основах», а другое дело создать такие условия, чтобы художник признал эти важные слова о ценностях русской и традиционной культуры ценностями личностными, чтобы они вдохновляли его на создание живых образов в современных произведениях.

Государство наконец-то — в данном случае в лице руководства Минкультуры — «отобрало» привычку считать личность, принадлежащей только к либеральным заботам и попечениям. Личность, свобода, приватизированные на два десятилетия и

заключенные в темницу либеральной идеологии, являются безусловными ценностями и для ведомства, имеющего дело сплошь и исключительно с разнообразными творческими личностями: от режиссера и экскурсовода в музее до библиотекаря и хранителя наследия.

С другой стороны, воспринимать «Основы...» и «Стратегии...» как наличную реальность трудно: культурная реальность меняется в десятки раз медленнее наших желаний. Собственно для тех, кто размышлять начал на эти темы лет двадцать тому назад, а то и раньше, нет ничего удивительного в том, что наконец-то предлагают смотреть на культуру в толще веков. Традиция — это серьезно. Традицию можно утратить, можно возродить, можно реконструировать, можно манифестировать, можно унижить, можно преодолеть и можно использовать с самыми разными целями. Можно создать «новые традиции»: вместо красного угла — красный уголок; вместо Яслей, где родился младенец-Христос, — ясли как место общественного воспитания дитяти. Вместо десяти заповедей — моральный кодекс строителей коммунизма, а вместо морального кодекса — аморальный антикодекс. Традиция, таким образом, только частично связана с культурой, но в большей степени с жизнью общества, с личным опытом человека. Да, традиция обеспечивает устойчивость культуры, но при этом традиции тоже могут умирать. По сути, в нашей жизни прерывались ВСЕ традиции, кроме одной — литургической в Церкви.

Да, если культура будет состоять сплошь из радикальных новаторов — она погибнет. Или станет чем-то иным. Если сплошь из желающих все превратить в культурные консервы — она тоже умрет. Настоящий путь — всегда царский.

Мы чаще всего между культурой вообще и традицией ставим знак равенства. Но все сложнее. Сегодня понятие традиции «идеологически перегрето», эмоционально перенасыщено и опирается, увы, все еще на советский опыт. Объем традиции по преимуществу именно советским контекстом и

определяется (в этом есть и недостатки, и некоторые достоинства). В любом случае, сама по себе традиция заключает в себе некое ценностное напряжение, «излучает метафизический пафос».

М. С.: Да, безусловно, названные документы предлагают видеть современные процессы в контексте истории. Но ведь в истории тоже мы с чем-то себя соотносим, от чего-то отталкиваемся. Что вам как руководителю лаборатории исторической драматургии важно будет напомнить современным драматургам?

К. К.: Обращение к документу в театре происходило не раз. Так называемый вербатим (от лат. *verbatim* – дословное, изреченное), столь популярный еще лет пять тому назад, сегодня, кажется, несколько изменяет свой формат. Создатели спектакля в этой технике берут свой материал «прямо из жизни», то есть вместо пьесы перед нами обработанные (с той или иной степенью умения) интервью с представителями разных социальных групп. Живые люди тут выступают донорами театрального представления. Но вообще-то это может быть и другой источник – любой документ.

Собственно вербатим, появившийся в Англии одновременно с «новой драмой» (*New Writing*), изначально был наполнен насилием и маргинальными героями. К нам же вербатим был завезен из Англии в 2000 году: театральная группа *Royal Court* совместно с Британским Советом не только поговорила о «документальном театре» на семинаре в Москве, но и так сказать, продемонстрировала «как это бывает». Ну, а в 2002 году появился московский «Театр.doc». «Одним словом, – радуется критик, – острое, жесткое зерно вербатима упало в России на благодатную почву». Он стал не столько «альтернативой омертвевшим репертуарным театрам», сколько площадкой для идеологического высказывания (ну, а упаковка тут такая: «провокативность материала, нарушающего эстетические и этические табу»). Собственно искусства как выделки, обожжения материала жизни тут искать вообще не следует; но следует понимать, что нарушения табу эстетики и этики –

дело много более легкое и менее затратное, чем их предъявление.

Я бы предложила иной материал для спектаклей «ИСТОРИЯ.DOC». Например, изданы два тома воспоминаний немцев, которые были в плену в СССР. Совершенно поражает картина незлобivosti этих воспоминаний, как и отношение к пленным, характерное для русских, что в 1812 году, что в 1945-ом. Разве это не интересно? В истории было разное. Но можно укрупнять или умять разные ее факты: можно поражаться, как это делает режиссер Анна Бабанова и драматург Владимир Зуев в спектакле «Жди меня... и я вернусь» в Норильском заполярном театре драмы, – поражаться тому, что заключенные Норильлага не просто жили в режиме ежедневного подвига, но творили, любили, искали правду-истину. У героев реальные прототипы, изучены реальные документы, а в основе сюжета лежат воспоминания культорга 4 лаготделения Григория Климовича о новогоднем концерте на рубеже 1944 – 1945 гг., который, «обернулся для заключенных суровым наказанием всего лишь за то, что Дед Мороз позволил себе процитировать строки из поэмы Некрасова». В спектакле (я смотрела видеозапись) нет, как мне показалось, лагерной злобы и ненависти, но как раз показаны огромные силы людей, которые не выживали, а жили, сохраняя ответственность за свои дары и таланты, и развивая их даже в лагере.

Вот я и думаю: а почему спектакль о священстве в лагере, о гонении на веру христианскую не показать в формате «ИСТОРИЯ.DOC»? О, сколько тут драматизма, идеализма, высоты жизни! Но и трагедийности, бесконечной тоски, что это ужас приходилось переживать нашим людям.

А история террора в России как история ложной святости (о которой писал наш Николай Страхов) и ложного подвига революционеров? А как вам сюжет, когда террористки конца XIX века везли взрывчатку из-за границы на себе, а для маскировки брали с собой своих малолетних детей!

Учитывая, как страшно мало читают сегодня

люди, как визуальные формы культуры выдавливают слово, – спектакли театра «ИСТОРИЯ.DOC» могли бы и образовывать, и просвещать, и находить в истории тот опыт, что так нужен современникам для решения конфликтов. Да у нас очень интересная история. Только мы ее не знаем. Мы не чувствуем исторического аромата своей жизни, а как оголтелые шастаем по чужим культурам, восторгаясь там самым малым и презируя (или позволяя презирать акционистам) нашу собственную историю.

В год столетия революции все внимание общества бросили на «Матильду», когда гораздо интереснее можно было бы сделать драму на основании реальных документов, открывающих семейную любовь наших страстотерпцев. С истории св. Петра и св. Февронии копился у нас драгоценный образ христианского супружества, а завершился св. Николаем и св. Александрой со святыми чадами. «Чин» замкнулся, причем взметнул нас на трагическую высоту. И дело уже только нашей христианской одаренности. Войти ли нам в этот круг истории? По силам ли?

М. С.: Я понимаю так, что современный «Театр.doc» занят все же трансляцией определенного понимания истории и современности. Можно ли назвать его негативистским, нигилистическим, аккумулирующим только «злые смыслы»?

К. К.: Да, вы правы. Современный «Театр.doc» (я не говорю только о конкретном московском театре) полагает себя чем-то вроде датчика свобод, сигнализирующего об опасных тенденциях. Опасными же являются такие: позитивное отношение к государству, опора на культурный суверенитет (то есть отстаивание достоинства русской культуры); наличие мировоззрения (поскольку оно предполагает смысловой и ценностный анализ, то выгоднее отнести его к отсталым фигурам культуры, чтобы априори снять возможность говорить о ком-либо или о чем-либо в вертикальной системе координат); взгляд на современную культуру с высоты христианских смыслов (тут, само собой, немедленно объявляешься «мракобесом»). Невозможна, конечно, и область идеаль-

ного (как устаревшего, консервативного, культурно-отсталого).

Мне как-то пришлось сказать в профессиональном сообществе, что государство – это моя личная ценность, что вызвало гримасу презрения на многих лицах. Им непонятен «пафос, мощь создающейся имперской государственности»; им непонятны «дела Ломоносова, который сам, в одиночку стал русским университетом, создал мимоходом русский литературный язык, которого хотели, но не могли отставить от Российской академии, потому что Ломоносов больше весил, чем Российская академия»; им неинтересны события отечественной истории, например, XVI века, когда «грамота Вселенского патриарха утвердила царское достоинство московского великого князя, и автокефалия Русской церкви была признана Церковью Вселенской. А это значит, появилось третье – православное – царство (после Иудейского и Римской империи Константина Великого), появилось вновь государство, в котором некуда спешить, за пределами которого нечего искать, в котором достигнута возможная на земле полнота бытия. Россия всем своим громадным телом вступила в реальность Тысячелетнего царства» (Н. Калягин). И мне жаль их, ищущих смысла за пределами своей земли – они так и остались наследниками Маркса и Ленина, понимающими государство примитивно – как «машину подавления».

М. С.: Вы собираетесь отстаивать в пространстве «ИСТОРИЯ.DOC» сложные представления о государстве, культуре, личности? Но обладает ли такого типа спектакль достаточными для такой сложности эстетическими приемами?

К. К.: Конечно, эстетические приемы такого типа спектакля (и театра) ограничены. Это скорее театральная публицистика. Но я за то, чтобы даже и публицистика отражала не одну монополярную точку зрения на мир (например «Мемориала» и его «театра вины»), но разные.

К сожалению, наше государство в глазах «цивилизованного европейца» и отечественного западно-

фила с 1830-х годов (Пушкин точно зафиксировал начало конфликта стихотворением «Клеветникам России», 1831 г.), – наше государство именно в гуманитарной области никак не помещается под вывеску «открытое». И не поместится. Это вам не Латвия. Слишком обширно. Слишком консервативен народ (сопротивляется гей-парадам, однополым бракам, гендерным программам, а также регулярно устраивает протесты против антихристианских выпадов актуального и поп- искусства, используя при этом средства самого же «актуального искусства» – «жидкости организма», что почему-то в данном случае не радует актуальных художников). Но самое главное – слишком много еще тех, кто «подключен» к христианской традиции самым кратчайшим образом – через душу. И с этим вообще-то нельзя справиться ни «открытому» государству, ни «закрытому».

Я хотела бы видеть на сцене «ИСТОРИИ.DOC» процесс по делу «русистов» и писателя Леонида Бородина (1938 – 2011), члена ВСХСОНа (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, созданного в Ленинграде в 1964 году), руководитель которого Игорь Огурцов, слава Богу, в активной форме, но его так и не реабилитировали (и это почему-то никаких правозащитников не волнует!). Все они («русисты») дают нам повод поговорить о свободе за колючей проволокой (читайте «Без выбора» Л.Бородина), когда нынче принято кричать о консервативном «подмораживании России» и нарастании ужасных несвобод! Как-то неловко сравнивать их и наши свободы и несвободы!

«Лагерная проза», открытая в конце 1980-х и начале 1990-х широким читателем, и используемая как «таран» для пробивания бреши в корпусе советской истории разными критиками, сегодня, когда все стало спокойнее и умнее, позволяет нам вернуться к «расстрелянной литературе» с новым осознанием ее мужества, ее идей, ее вопрошаний о человеке. Это, конечно, хорошо, что у нас объявляются «год-юбилей Мандельштама», «год-юбилей детского писателя Маршак» (я ведь без иронии – просто никогда

не читала Маршак, почему-то в нашей семье не было это принято). Это, конечно, славно, что в Вологде ежегодно поднимается флаг Шаламовских дней. Но... Для меня все же показателем станет тот момент, когда расстрелянные Борис Корнилов, Павел Васильев, Алексей Ганин, Сергей Клычков, Николай Клюев тоже выйдут на сцену в «ИСТОРИЯ.DOC». Когда герои не будут выбирать только по одному принципу (нелюбви к государству) и подверстываться под годность либеральной «стене скорби», – тогда мы сможем говорить о том, что в нашей стране есть демократические свободы. Когда общество будет знать и о других судьбах: Ярослава Смелякова – сидел, но при этом совершенно никогда не был антигосударственником; Виктора Бокова – сидел, Владимира Осипова – сидел... И Леонид Бородин – тоже сидел. 11 лет. И нам, сегодняшним, конечно, важно вернуть их в актуальную литературную и театральную повестку уже в подлинном их качестве. Героизма личностного. Творческого мужества. Мне кажется, что пора от темы «государственных и тоталитарных репрессий» переходить к героической сути жизни и творчества таких людей.

М. С.: Благодарю за беседу и полагаю – кубанцам тоже есть что предложить для «ИСТОРИИ.DOC». Виктор Иванович Лихоносов, издавший огромный архивный материал по русской эмиграции и написавший блестящий художественный роман «Наш маленький Париж», смею надеяться, и вас, и нас, поддержит. ■